

«Переувод»¹ (к 90-летию А.А. Бодалева)

А.В. Суворов

доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарного образования инвалидов, ГБОУ ВПО «Московский городской психолого-педагогический университет»

Дорогой Алексей Александрович!

В день Вашего 90-летия хочется вспомнить всё, что в моей жизни так или иначе связано с Вами. Ваши книги мне долгое время были недоступны. Сейчас в моей электронной библиотеке их две — «Психология общения» и «Как становятся великими или выдающимися». А так Ваши идеи доходили до меня через пересказ или перевод (как говорится, я вынужден был «нюхать цветы» Вашей мысли «через противогаз»).

Однажды, проверяя какой-то свой текст посредством компьютерной программы, я долго не мог отдышаться от смеха, обнаружив ошибку: «пере_у_вод» вместо «перевод». Описка прямо по Фрейдю! Как часто и сколь далеко перевод на самом деле уводит меня от реально сказанного!

Когда-то меня это очень расстраивало. После всякого рода тусовок, выпав из общения, я иногда писал стихи, полные отчаяния. Не буду их цитировать...

Постепенно я смирился с неизбежностью «переувода». Уже не требую от переводчика как можно более полной и дословной передачи произносимого. Нечего харкать чужой и своей кровью. Оно того не стоит. Всё равно переводчик не возместит, не заменит мне зрение и слух. Надо принимать реальность как есть, как данность. И если я всё же принимаю приглашения в разного рода более/менее многолюдные сборища, то прежде всего в надежде на личные контакты хоть с кем-нибудь, да ещё ради возможности самому высказаться, выступить... И силы переводчика стараюсь поберечь для общения напрямую, а пока идёт, простите за выражение, общая «бубнилка», позволяю переводчику подремать, дожидаясь своей очереди отбубнить в течение предоставленных мне регламентом минут.

Зато «в кулуарах» переводчик со свежими силами передаёт мне речь собеседника дословно. Когда собеседник специально ждёт, пока его переведут, дословность достижима. А за докладчиком всё равно не угонишься...

Впервые я услышал о Вас ещё в студенческие мои годы. Как о главе Ленинградской психологической школы. На психфаке А.Н. Леонтьева, в НИИ общей и педагогической психологии В.В. Давыдова — пре-

словутый «деятельностный подход»; в Ленинграде и в другом московском психологическом НИИ, как мне рассказывали, деятельности противопоставляли общение. Деятельностному подходу — «общенческий», так сказать.

Что за чудеса? Разве общение — не деятельность? Вон и в книге «Загадка человеческого Я», второе издание которой вышло в 1976 г., Ф.Т. Михайлов их отождествляет: общение и есть деятельность; деятельность и есть общение; субъекты совместной деятельности общаются по поводу предмета-посредника, и потому их совместная деятельность/общение — предметная.

Такое противопоставление двух психологических школ было поистине «переуводом» от истины. Много существует способов редукации — упрощения, а тем самым искажения, при теоретическом осмыслении реальности. При советской власти едва ли не самым популярным из них был вопрос о пресловутой «первичности».

Что первично — косная материя или активно творящий, организующий ее дух? Что первично — деятельность или сознание? Деятельность или общение? Дело или слово?.. Мышление или речь?..

Помню, как молодая преподавательница физиологии высшей нервной деятельности при встрече со слепоглухими студентами через особый прибор — телетактор, позволявший непосредственно, без переводчиков, обращаться одновременно ко всем четверем слепоглухим студентам, вдруг стала доказывать, что первична речь. Сначала ребенок учится говорить, овладевает пресловутой «второй сигнальной системой», и благодаря этому — начинает мыслить. С позиций «деятельностного подхода», — недопустимая ересь. Я хотел Дину Михайловну расспросить поподробнее, спровоцировать ее на явный абсурд, а затем посрамить к вящей славе «деятельностного подхода». Но у сидевшего за моей спиной Эвальда Васильевича Ильенкова нервы не выдержали, и он кинулся в теоретическую драку, не поняв и не дав реализовать мой коварный замысел.

Мне было и смешно и досадно. А я бы выполнил задумку, клянусь! У меня уже тогда неплохо получа-

¹ 13 октября 2013 года исполнилось 90 лет академику Алексею Александровичу Бодалёву.

лось запутать оппонента в его же собственной аргументации. А запутав и разозлив, торжествуя закончить дискуссию если не опровержением оппонента, то известной сентенцией: «Юпитер, ты сердисься — значит, ты неправ»...

После смерти А.Н. Леонтьева Вы стали деканом факультета психологии МГУ. Я бывал там иногда. И однажды наткнулся на Вас в коридоре. Вы меня тепло обняли... Так мы впервые пересеклись лично.

Я был смущен, расстроган и растерян, поскольку еще не изжил пресловутый переувод о двух «подходах». Это много позже я махнул рукой: с какой стороны к печке ни «подходить» — лишь бы грела! «Подходы» — не сама реальность, а ее теоретическое отражение. Не что иное как «теоретические фантазии» о ней. Их надо изучать, из них можно выбрать тот, который тому или иному теоретику представляется более адекватным. Но ни один «подход» не стоит абсолютизировать, т. е. объявлять абсолютной истиной. Исследователь не имеет права быть фанатиком.

Осенью 1993 г. в вестибюле Психологического института РАО ко мне с мамой подошла Юлия Борисовна Некрасова. Она попросила подборку моих стихов для ее работы с заикающимися. Я стихи подобрал, перепечатал на плоскочечатной машинке и сказал, что был бы рад пригодиться еще в чем-то. Некрасова пригласила в группу заикающихся, на поддерживающий этап работы с ними, который (этап) тогда пришелся на декабрь 1993.

Перед самым Новым годом я сказал Некрасовой, что у меня проблемы с защитой кандидатской диссертации. Защита должна быть не личным делом диссертанта, а общим делом научно-исследовательского коллектива, чьим сотрудником диссертант является. Директор института В.В. Рубцов обещал поддержку, кандидатские минимумы сданы... Но там, где числился формально (в группе слепоглухих психологов), поддержки руководителя я не чувствовал и не ждал. Нельзя ли защитить диссертацию в коллективе Некрасовой?..

— А какая тема?

— Саморазвитие личности в экстремальной ситуации слепоглухоты.

— Это в рамках исследовательской проблематики нашей группы. Мы Вам поможем.

И 1 февраля 1994 г. состоялось заседание руководимой Вами, Алексей Александрович, группы «Психология общения, развития и социореабилитации личности». Сейчас она называется немного короче, а содержательно гораздо шире — «Психология общения и реабилитации личности».

То заседание записали на диктофон, и фонограмму мне расшифровали по Брайлю. Там оказался целый список Ваших интереснейших вопросов ко мне. Я так вдохновился, что нашел время на них развернуто ответить, параллельно с подготовкой к защите кандидатской диссертации, которая состоялась 31 мая 1994 г.

Так была написана моя работа «Вчувствоваться, вдуматься...», которую считаю одной из лучших, на-

иболее интересных моих работ. Сбылась моя студенческая мечта послужить науке, по мере сил отвечая на вопросы исследователей. Увы, кроме Вас, никто меня больше так не «интервьюировал». То есть интервью у меня брали многие, но в основном журналисты, в том числе работающие в кино и на телевидении. Это интересно, я всегда с удовольствием отвечал на их вопросы, но мечтал — о вопросах исследователей. Вы и показали себя таким, по выражению Ильенкова, «любопытным» исследователем.

Ни от кого больше, не считая журналистов, именно из деятелей науки, я таких списков вопросов, как от Вас, ни до, ни позже не получал. То ли из-за недостатка «любопытства», то ли из-за ложного страха обидеть меня отношением как к «подопытному кролику». Я ведь всегда был согласен на эту роль, а тогда это вовсе не «кролик», а полноправный участник исследования, хотя бы и экспериментального!

Ученым интересно, как можно существовать в экстремальной ситуации слепоглухоты? Ради Бога, я к их услугам! Готов принять участие в любых исследованиях (естественно, безвредных для здоровья — всё же я не «кролик», а участник), ответить на любые вопросы, на какие сумею, или хотя бы попытаться ответить (при условии, что коллега из исследователя не превратится в следователя прокуратуры). Вот к такому служению науке я всегда был готов. Но этой моей готовностью 1 февраля 1994 г. воспользовались так, как я об этом мечтал, пожалуй, только Вы, Алексей Александрович. И я, отвечая на Ваши вопросы, был счастлив.

После защиты кандидатской диссертации я окончательно перешёл в возглавляемый Вами научный коллектив официально. Вы сразу же предложили, не расслабляясь, готовиться к защите докторской. На самом деле материалы у меня были готовы, и Ваше предложение совпало с моими намерениями. Это было счастливое время, когда Вы консультировали меня вместе с Виленом Эммануиловичем Чудновским и Виктором Тимофеевичем Ганжиным. Консультации проходили в РЦКТ ВОС — Республиканском центре компьютерных технологий Всероссийского общества слепых.

Как-то Вы пришли вместе с Чудновским. Разговор зашел о соотношении биологического и социального в психике. Сензитивные периоды развития тех или иных психических способностей я обозвал биологизаторским мифом. Вилен Эммануилович от такой дерзости потерял дар речи, а Вы, расхохотавшись, хлопнули меня по спине.

Вы всегда поддерживали самостоятельность моего мышления. Когда в 1998 г. у меня появился CDROOM, и я похвастался, что теперь смогу читать диски с электронными библиотеками, в том числе научными, Вы испугались, как бы это чтение не лишило меня главного исследовательского преимущества — оригинальности собственного мышления. Вы испугались, как бы я из-за наконец-то хлынувшего ко мне информационного потока, захлебнувшись в нем, не превратился в обычного эрудита/ерундита.

Я только засмеялся: для подобной инволюции в моем случае, как говорится, поезд давно ушел. И я по-прежнему готов разоблачать псевдонаучную и прочую мифологию, где ее ни учую...

Впрочем, разоблачать мифологию скучно, жалко времени, тем более, как говорится, хоть кол на голове теши, всё равно не втемяшишь носителям мифологии... Во всяком случае, при написании своих работ мифологию — игнорировать. Так, чтобы носитель мифа не сразу и спохватился: да никак с его любимым вздором автор не считается?..

Не имея возможности читать Ваши работы, я, будучи сотрудником Вашего коллектива, в процессе общения с коллегами с Вашими идеями как-то всё же знакомился (особенно — с идеей акмеологии). Вот тут я сразу встал под Ваши знамёна, сразу взял на вооружение. Сам-то, работая с детьми, всегда стремился помочь им в личностной самомобилизации, без которой никакого акме — никакой, в переводе с греческого, вершины развития, — не достигнешь.

Моему самолюбию, конечно, льстило, что мой приход на заседание группы Вы иногда встречали шутливым возгласом:

— А вот и тяжёлая артиллерия прибыла!

Всем студентам и аспирантам Вы, при обсуждении их работ, неизменно рекомендовали различать «общее, особенное и единичное». И обращались ко мне с просьбой двинуть к случаю цитату из Маркса или Ильенкова. И я с удовольствием цитировал наи-

зуть, добавляя, что различать надо конкретно-всеобщее и абстрактно-общее.

А помните анекдот, как вся лаборатория настаивала, что в слове «ас» в значении виртуоз своего дела (например, летчик-ас) две буквы «с»? Я лишнюю «с» уловил в дактильной речи переводчика и стал настойчиво поправлять: буква «с» в этом слове — одна. Возник спор, обратились к словарю, который подтвердил мою правоту. Коллеги, правда, со смехом утешились, обнаружив в словаре, что есть и слово «асс» — так называлась самая мелкая древнеримская монетка...

Спасибо Вам, Алексей Александрович, за всё-всё: за человеческое и научно-исследовательское внимание, за неизменную поддержку самостоятельности мышления, творческой одержимости, преподавания студентам (в том числе слабослышащим) моей «Совместной педагогики»... Сейчас это мое преподавание признано и востребовано, а в 1996 г. Вы стояли у истоков этого направления в моем творчестве.

Вы по-прежнему равнодушны, а это значит — молоды. В минуты душевной усталости, депрессии (весьма, признаться, частые минуты) я чувствую себя старше Вас. И мысль о том, что Вы, говоря словами Ильенкова из его письма ко мне, продолжаете бороться за то, что считаете мудрым и человечным, — и в этой борьбе неутомимы, — помогает мне душевно встряхнуться...

14–15 октября 2013 г.

'Pereuvod'¹ (In Celebration of the 90th Birthday of Aleksei A. Bodalev)

A. V. Suvorov

PhD in Psychology, leading researcher at the Institute of Liberal Arts Education for the Disabled, Moscow State University of Psychology and Education

---

Aleksei A. Bodalev celebrated his 90th birthday on October 13, 2013.

---

¹ The ambiguous title of the paper, as the author explains, came from a typing error in the Russian word 'perevod' ('translation') that he found in his text; this mistake makes the word sound something like 'extra-withdrawal' or 'trans-withdrawal'.